

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 330.857:321.64

ФАНТОМ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ» В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРИЗМА: ПО ПОВОДУ СТАТЬИ И.А. ЕВДОКИМОВА «ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ТРУДАХ ИОСИФА СТАЛИНА»¹

А.В. Белова

Тверской государственной университет, г. Тверь

Статья является частью дискуссии по поводу недавней публикации И.А. Евдокимова «Хозяйственные отношения в теоретических трудах Иосифа Сталина». На примере анализа результатов изучения экономических воззрений главы советского государства представлен авторский взгляд на наиболее существенные исследовательские и методологические дефициты, без научного освещения которых данная проблематика не подлежит достоверной проработке. Специальное внимание уделяется проблемам исторического контекста сталинского тоталитаризма, административно-командной экономической системы, принудительного труда, советского канцелярита как официального языка партийной номенклатуры. Делается вывод о том, что изолированное от исторического контекста изучение теоретических воззрений Сталина на хозяйственные отношения при социализме нерелевантно ввиду того, что функциональное их предназначение было связано не с конкретным содержанием, а с формированием символического языка власти тоталитарного вождя.

Ключевые слова: *тоталитаризм, сталинизм, сталинский СССР, казарменный социализм, административно-командная экономика, советская экономика, советский канцелярит, символический язык власти.*

Статья аспиранта кафедры экономической теории И.А. Евдокимова справедливо отнесена редколлегией к разделу «Дискуссионная площадка», поскольку, действительно, служит поводом для обсуждения вопросов, до сих пор провоцирующих разнообразие интерпретаций и мнений. Причина не столько в научном интересе к собственно теоретическим проблемам социалистической экономики в СССР и взглядам И.В. Сталина (1878–1953) на хозяйственные отношения при капитализме и социализме, сколько в проблематизации стратегий модернизации, способов достижения максимальных результатов экономического роста при имеющихся ресурсах. Попытки кардинально изменить экономику России в рамках сохранения цивилизационной модели неоднократно предпринимались в ходе исторического развития XVIII–XX вв. и каждый раз стремление совершить «большой скачок» оборачивалось социальным перенапряжением, ужесточением самой модели, усилением административного нажима и контроля, мобилизацией ресурсов, не вполне оправданной с точки зрения экономической эффективности. Результативность реализации подобных замыслов при отсутствии естественно сложившихся хозяйственных предпосылок

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № [19-09-00191](#).

напоминает одну из историй барона Мюнхгаузена, тянувшего себя из болота за волосы, вопреки физическим законам. Помимо этого, экономические воззрения главы советского государства встраивались в идеологию социалистического общества, что также накладывало определенный отпечаток. Идеологические мотивы преобладали над мотивами хозяйственной целесообразности. Еще одним искажающим фактором было отсутствие капиталистических, рыночных механизмов, вне которых возможна лишь архаическая редистрибутивная, либо индустриальная деформированная экономика. Как для любого исследования, возникает вопрос и об актуальности в связи с современными преобразованиями в сфере трансформации хозяйственных макропроцессов.

В исторической науке последних трех десятилетий оценки сталинского периода и собственно его личности сложились и вряд ли возможны принципиальные изменения в понимании и подходах к изучению одной из самых мрачных страниц истории России «короткого» двадцатого века. Время тоталитарных диктатур, не только ставивших под контроль человека и любые проявления его индивидуальности, но и уничтожавших как человеческое достоинство, так и его самого, вызывает интерес в современной историографии с точки зрения исследования изживания опытов тоталитаризма, осмысления его трагических последствий в исторической памяти разных народов. Изучение памяти о тоталитарном прошлом и связанных с ним аббераций – одна из актуальных тем историографических исследований [1, 5].

Основой тоталитарного общества закономерно являлась тоталитарная экономика. Современным научным трендом, бесспорно, становятся междисциплинарные исследования, что служит еще одним основанием того, почему анализировать теоретические взгляды Сталина на экономику в отрыве от исторического контекста, всей проводимой в то время политики тоталитаризма не представляется достоверным. Изолированных воззрений на экономику не существует отдельно от реализуемой государством экономической политики и модели хозяйственных отношений. Тем более, что исторические исследования нацелены на изучение завершенных процессов, которым является и в целом советское прошлое, и его тоталитарный период. По мнению автора, исследовать взгляды на хозяйственные отношения вне созданной модели казарменного социализма внеисторично и нецелесообразно.

Когда мы приступаем к изучению этих взглядов, необходимо, прежде всего, обозначить позицию, в соответствии с которой в сталинском СССР было создано тоталитарное общество с административно-командной экономикой, основанное на принудительном неоплачиваемом труде заключенных и «спецпереселенцев». Видимые «успехи» сталинской индустриализации создавались в значительной степени трудом узников ГУЛАГа, незаконно лишенных свободы в условиях политических репрессий. Интересна мысль Е.В. Миськовой о том, что «риторически необходимо было снизить агрессивные коннотации понятия «террор» – так оно уходило и заменялось в обороте понятием репрессий, которое в словосочетании «сталинские репрессии» окончательно возобладало после XX съезда, на котором Хрущев в первую очередь стремился вывести из-под удара общепартийного наследия себя лично» [4]. Применение термина репрессии есть ничто иное, как эвфемизация понятия «террор». Анализировать в научном плане труды неспециалиста в области экономики, репрессировавшего профессионально подготовленных оппонентов в лице А.В. Чаянова (1888–1937), Н.И. Бухарина (1888–1938), Н.Д. Кондратьева (1892–1938), представляется, по меньшей мере, ограниченным. Было бы целесообразно изучить содержание

экономических дискуссий 1920-х гг., а они были, и прежде всего в контексте сопоставительных взглядов попытаться понять ограниченность мнений Сталина в сравнении с профессиональными экономистами.

Как известно, административно-командный тип экономической системы характеризуется централизацией и бюрократизацией управления экономикой, государственной, маскируемой под вид общенародной, собственностью на средства производства и все ресурсы, директивным планированием, тотальным контролем государства за производством и распределением, отсутствием экономической мотивации непосредственных производителей, тотальным дефицитом жизненно необходимых товаров и предметов потребления, перекосом в сторону преобладания производства товаров группы «А» по сравнению с товарами группы «Б» – производства средств производства над товарами народного потребления. Нет ни одного фактора, смягчающего методы осуществления политики казарменного социализма, подмены понятий, тотальной лжи и идеологической фальши, которые исказили подлинное положение вещей. Нет ни одного оправдания репрессий, принудительного труда, присвоения государством и партийной номенклатурой результатов неоплачиваемого труда создателей материальных благ. Основные тренды сталинской экономики – коллективизация и индустриализация – были реализованы посредством экспроприаций, насилия, вынужденного неоплачиваемого труда в деревне и работы на промышленных предприятиях в городе с тотальной привязкой к месту работы и жительства посредством введения в 1932 г. трудовой книжки и прописки [3, с. 670]. Оба этих рудимента тоталитаризма сохраняются до сегодняшнего дня (!), поддерживая некогда введенный тотальный контроль за миграцией рабочей силы и перемещением граждан. Учет трудовых ресурсов, которые, с одной стороны, представлялись неисчислимыми и как бы неисчерпаемыми, а потому малоценными для государства, с другой, – потенциалом типичного экстенсивного роста, который только и был возможен в условиях казарменной экономики, являлся действенным инструментом перераспределения важнейшего фактора производства.

Вне выявления данного контекста исторического прошлого сталинского СССР рассуждать об умозрениях руководителя государства в отношении хозяйственных отношений представляется малопродуктивным. Теоретические заключения в данном случае слишком далеко отстояли от прагматики экономической жизни.

Вызывает сомнение возможность не критического воспроизведения логики и терминологии исследуемого материала. Дискурс сталинских текстов, упоминаемые в них расхожие в то время идеологические клише и штампы, своеобразный советский канцелярит как особый официальный язык партийной номенклатуры не подлежат научному восприятию с точки зрения «буквальности» контента. В данном случае речь идет о символическом языке власти и обратной символической власти этого самого языка, формирующего подобие секуляризированной формы религии. Советский властный дискурс полон экспрессии, агрессии в отношении воображаемых оппонентов в лице «капиталистов», «империалистов», «цепных собак капитала», любых «Других», обнаруживаемых в том числе и внутри «своего» общества «врагов», «предателей», «отщепенцев», на которых проще всего было «взвалить вину» за неэффективность экономической политики, которая пробуксовывала в условиях уничтоженных рыночных отношений. Искать буквальное содержание внутри пафосного сталинского канцелярита, создающего дизайн значительности сказанного,

нецелесообразно по причине того, что смысл данных текстов не в содержании, а в самом факте появления и форме предъявления, функционально – это сакральная речь магического вождя. Предназначение всего написанного и сказанного «вождем» заключалось в легитимизации реальности для основной массы «народа», он как бы позволял ее становлению, возникновению, проявлению. Дискурсивное сотворение реальности, новой «были», в том числе и экономической, – являлось основной функциональной задачей транслируемых взглядов на хозяйственные отношения. Подобные магические практики хорошо известны историкам и этнологам, начиная с эпохи древности (например, когда разливы Нила в Древнем Египте совершались ежегодно с известной регулярностью, но египтяне верили, что это происходит только после того, как фараон, живое воплощение бога и благополучия общества, прикажет реке разлиться, бросив в нее соответствующий папирус – «указ о том, что начало разлива наступило» [6, с. 426]).

Вряд ли правомерно усматривать содержательный контент в утверждениях, составлявших клише советского идеологического дискурса, как например: «Решение проблем, обусловленных капиталистическими отношениями, Сталин видел через построение социализма, способного привести к коммунизму» [2, с. 194]. Дискурс анализируемого текста не должен становиться и дискурсом исследователя, позиция которого предполагает дистанцирование от изучаемого предмета.

Теоретические работы Сталина были частью идеологической конструкции под названием «марксизм-ленинизм-сталинизм» (три гигантских портрета «отцов-основателей» новой парадигмы располагались до официального разоблачения «культы личности» на XX съезде КПСС напротив мавзолея во время ноябрьских и майских демонстраций), куда он хотел «вписать» себя наравне с Марксом и Лениным, которым существенно уступал по масштабу личности и вклада в разработку марксистской теории. Отсюда многочисленные переиздания «Вопросов ленинизма» в сталинском изложении. В 1935 г. в Партиздате ЦК ВКП (б) вышло в свет невообразимым по нынешним временам тиражом 2 400 000 (!) экземпляров уже десятое (!) издание, необходимость которого обосновывалась «включением новых работ, имеющих более актуальное значение» [8]. Заметим, что марксизм Сталин не интерпретировал, даже в искаженно-упрощенном советском варианте. Более того, утверждал парадоксальную мысль, что несмотря на то, что «основой мировоззрения» Ленина является марксизм, «из этого вовсе не следует, что изложение ленинизма должно быть начато с изложения основ марксизма» [8, с. 1]. При всей странности и ненаучности такого подхода Сталина напрашивается мысль о том, что взгляды немецкого философа, экономиста К. Маркса не были в полной мере ему понятны. Так часто случается с серьезными учениями – и марксово не исключение – они оказываются по-разному восприняты даже последователями и приверженцами. По меткому замечанию С.Д. Серебряного, «следует отделять самого Карла Маркса (1818–1883), одного из крупнейших и влиятельнейших европейских мыслителей XIX в., от того, что уже при его жизни и позже в разных странах называлось “марксизмом”. Как известно, под конец своей жизни К. Маркс, прочитав сочинения неких “марксистов”, сказал: “В таком случае я – не марксист”» [7, с. 16]. Не случайно исключение Сталина из триады «марксизм-ленинизм-сталинизм» произошло без потери содержания, что свидетельствует об отсутствии его самостоятельного вклада в марксистское учение.

Отдельно стоит сказать, что при сплошной казуистике сталинских текстов, нацеленных, в частности на доскональный разбор «ошибок Бухарина» в «вопросе о темпе развития индустрии», они передают как раз экономически взвешенную и профессиональную позицию его оппонента: «У т. Бухарина исходным пунктом является не быстрый темп развития индустрии, как рычага реконструкции сельскохозяйственного производства, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства. У него на первом плане “нормализация” рынка и допущение свободной игры цен на рынке сельскохозяйственных продуктов, допущение, по сути дела, полной свободы торговли. Отсюда его недоверчивое отношение к колхозам, что сказалось в его речи на июльском пленуме ЦК и в его тезисах перед июльским пленумом ЦК. Отсюда его отрицательное отношение ко всем и всяким формам чрезвычайных мер при заготовке хлеба против кулачества» [12, с. 266]. Представляя в качестве ошибочных экономически целесообразные взгляды Н.И. Бухарина, Сталин как сторонник «допустимости временных чрезвычайных мер, подкреплённых общественной поддержкой середняцко-бедняцких масс», и «быстрых темпов развития нашей индустрии» [12, с. 267] выдает свою некомпетентность в вопросах экономической теории. Однако отсутствие профессиональных аргументов компенсируется переводом псевдоразоблачения «теоретика-схоластика», что скорее справедливо в отношении автора-обвинителя, в этическую плоскость: как сетует Сталин, «Бухарин не страдает скромностью. Беда в том, что он не только не страдает скромностью, но он берется даже учить нашего учителя Ленина по целому ряду вопросов» [12, с. 272]. Подобной подменой понятий, казуистикой наполнены все сталинские работы, изучать которые, если и имеет смысл, то как пример конструирования псевдоэкономических воззрений в рамках идеологического дискурса советского тоталитаризма.

Инспирировав в 1929–1930 гг. речами и директивами «сплошную коллективизацию» и «ликвидацию кулачества как класса» [11, с. 319], уже 2 марта 1930 г. в статье «Головокружение от успехов», осуждавшей нарушение принципа добровольности при организации колхозов и отказ от учета специфики конкретных условий их создания, Сталин был вынужден признать «искривления» и «головотяпские упражнения по части “обобществления”» [9, с. 322–327]. Правда, ответственность за эти сомнительные действия он возложил на местных руководителей, назидательно предписывая им «вести борьбу на два фронта – и против отстающих и против забегающих вперед» [9, с. 327]. Используя далекие от экономической теории термины, Сталин позволял себе уничижительные высказывания по отношению к ней самой: «Беда в том, что мы начинаем хромать именно в этой области, в области теоретической разработки вопросов нашей экономики. Чем же иначе объяснить тот факт, что у нас, в нашей общественно-политической жизни, все еще имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные теории по вопросам нашей экономики? Чем объяснить, что эти теории и теориейки не встречают до сих пор должного отпора?» [10, с. 300]. Так, среди «буржуазных предрассудков, называемых теориями» [10, с. 300], он критиковал «вопрос о “ножницах”» [10, с. 308], не признавая имевшего место «неэквивалентного обмена между деревней и городом в пользу последнего (“ножницы цен”» [3, с. 671].

В заключении стоит подчеркнуть, что изолированное от исторического контекста изучение теоретических воззрений Сталина на хозяйственные отношения при социализме, с точки зрения автора, нерелевантно ввиду того, что функциональное их предназначение было связано не с конкретным содержанием,

а с формированием символического языка власти тоталитарного вождя. Только критическое контекстуальное исследование, выявляющее намеренное искажение подлинной экономической реальности в этих статьях, расхождение идеализма и прагматики или, наоборот, вскрытие механизмов конструирования воображаемой реальности социализма способно продвинуть в понимании экономики тоталитаризма в сталинском СССР.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. (Серия «Библиотека журнала Неприкосновенный запас»). (Оригин. изд. 2006).
2. Евдокимов И.А. Хозяйственные отношения в теоретических трудах Иосифа Сталина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 3 (47). С. 192–201.
3. Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века / Р.А. Арсланов [и др.]; под ред. В.В. Керова. М.: Астрель, 2013. 846, [2] с.
4. Миськова Е.В. Память. Антропология. Психология. История. Политика. Фотографии. Фейсбук. Расположить в любом порядке. Материалы Летней школы ARC, Валле д'Аоста, 28.08.2014 г. // URL: <https://antropya.com/articles/18/62/> (дата обращения: 01.12.2019).
5. Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории / Пер. с нем. М.: Новое издательство, 2012. 536 с. (Серия «А»). (Оригин. изд. 2007).
6. Рубинштейн Р.И. Египетская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 420–426.
7. Серебряный С.Д. Введение // История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций / под ред. С.Д. Серебряного. М.: РГГУ, 1998. 429 с. С. 9–36.
8. Сталин И. Вопросы ленинизма / 10-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. 656 с.
9. Сталин И. Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения) // Вопросы ленинизма / 10-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. 656 с. С. 322–327.
10. Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР (Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.) // Вопросы ленинизма / 10-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. 656 с. С. 299–317.
11. Сталин И. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса // Вопросы ленинизма / 10-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. 656 с. С. 318–321.
12. Сталин И. О правом уклоне в ВКП(б) (Из речи на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.) // Вопросы ленинизма / 10-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. 656 с. С. 240–287.

THE FANTOM OF “ECONOMIC THEORY” IN THE CONDITIONS OF TOTALITARISM: REVIEW OF THE ARTICLE BY I.A. EVDOKIMOV “ECONOMIC RELATIONS IN THE THEORETICAL WORKS OF JOSEPH STALIN”

A.V. Belova

Tver State University, Tver

The article is part of a discussion about the recent publication by I.A. Evdokimov “Economic relations in the theoretical works of Joseph Stalin”. The author analyses the results of studying the economic views of the head of the Soviet state and reveals the most significant points and methodological deficits. The investigation highlights the problems of Stalin's totalitarianism in the historical context of the command economy, forced labor, the Soviet official language (so-

called *kantseljarit*) as a language of the “nomenclature party”. The author concludes that the study of Stalin’s theoretical views on economic relations under socialism isolated from the historical context is irrelevant in view of the fact that their functional system was not connected with specific content, but with the formation of the symbolic language of the totalitarian leader power.

Keywords: *totalitarianism, Stalinism, the Stalinist USSR, barracks socialism, the command economy, the Soviet economy, Soviet office language (so-called kantseljarit), symbolic language of the power.*

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, e-mail: Belova.AV@tversu.ru).

About the author:

BELOVA Anna Valer’evna – the doctor of historical science, Head of the World History Department at Tver’ State University (170100, Tver’, Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru).

References

1. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika / per. s nem. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s. (Serija «Biblioteka zhurnala Neprikosnovennyj zapas»). (Origin. izd. 2006).
2. Evdokimov I.A. Hozhajstvennye otnoshenija v teoreticheskikh trudah Iosifa Stalina // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie. 2019. № 3 (47). S. 192–201.
3. Kratkij kurs istorii Rossii s drevnejshih vremjon do nachala XXI veka / R.A. Arslanov [i dr.]; pod red. V.V. Kerova. M.: Astrel', 2013. 846, [2] s.
4. Mis'kova E.V. Pamjat'. Antropologija. Psihologija. Istorija. Politika. Fotografii. Fejsbuk. Raspolzhit' v ljubom porjadke. Materialy Letnej shkoly ARC, Valle d'Aosta, 28.08.2014 g. // URL: <https://antropya.com/articles/18/62/> (data obrashhenija: 01.12.2019).
5. Nithammer L. Voprosy k nemeckoj pamjati: Stat'i po ustnoj istorii / Per. s nem. M.: Novoe izdatel'stvo, 2012. 536 s. (Serija «A»). (Origin. izd. 2007).
6. Rubinshtejn R.I. Egipetskaja mifologija // Mify narodov mira: Jenciklopedija: v 2 t. / pod red. S.A. Tokareva. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2003. S. 420–426.
7. Serebrjanyj S.D. Vvedenie // Istorija mirovoj kul'tury: Nasledie Zapada: Antichnost'. Srednevekov'e. Vozrozhdenie: Kurs lekcij / pod red. S.D. Serebrjanogo. M.: RGGU, 1998. 429 s. S. 9–36.
8. Stalin I. Voprosy leninizma / 10-e izd. M.: Partizdat CK VKP (b), 1935. 656 s.
9. Stalin I. Golovokruzhenie ot uspehov (K voprosam kolhoznogo dvizhenija) // Voprosy leninizma / 10-e izd. M.: Partizdat CK VKP (b), 1935. 656 s. S. 322–327.
10. Stalin I. K voprosam agrarnoj politiki v SSSR (Rech' na konferencii agrarnikov-marksistov 27 dekabnja 1929 g.) // Voprosy leninizma / 10-e izd. M.: Partizdat CK VKP (b), 1935. 656 s. S. 299–317.
11. Stalin I. K voprosu o politike likvidacii kulachestva kak klassa // Voprosy leninizma / 10-e izd. M.: Partizdat CK VKP (b), 1935. 656 s. S. 318–321.
12. Stalin I. O pravom uklone v VKP(b) (Iz rechi na plenumе CK VKP(b) v aprele 1929 g.) // Voprosy leninizma / 10-e izd. M.: Partizdat CK VKP (b), 1935. 656 s. S. 240–287.